

Последний барабанщик с края

Альбина Зиятуллина

Альбина Зиятуллина

Последний барабанщик с края

«Автор»

2025

Зиятуллина А.

Последний барабанщик с края / А. Зиятуллина — «Автор», 2025

Городской нуар на старых фотоплёнках. Руслан – (не)маг в мантии из битых DVD-дисков. Он ищет дешёвую комнату, а находит философствующих детей и шаманов-татар за рулём такси. В городе, застывшем как кадр из фильма 60-х, ему предстоит не только найти жилье а отыскать самого себя.

© Зиятуллина А., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	16
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Альбина Зиятуллина

Последний барабанщик с края

Глава 1

На мне была мантия мага, расшитая осколками DVD-дисков, одолженных из родительских архивов, а по лбу к вискам змеились руны.

Проснуться пришлось рано, потому что накануне созванивался с квартирной хозяйкой, и она назначила встречу на автобусной остановке «Площадь Революции».

Я продрог, приспособил шаг к собственной тени и расхаживал, размахивая руками, пока сам себе не надоел. Не грело моё дурацкое одеяние. Шею натирало синтетическими нитями и ярлыком, который велел: «Не гладить», «Не стирать», «Не читать уютные детективы».

Отовсюду тянуло прелыми листьями. Дни хрустели под ногами, как пустые куколки тутового шелкопряда. Если бы я не напивался энергетиками и не просаживал последний слух, включая аудиокниги, то не выжил бы – настолько бесцельно жил. Сегодня наушники я забыл, так что мне остался только раздражающий звон в ушах и многоколесный шум малолитражек.

Ожидание увидеть нервную «Landlady», не оправдалось. Хозяйку замещал ребёнок с белым рюкзаком. Осколки исказили отражение его оранжевой толстовки, обращая плащёвку в язычок пламени. В руках он вертел сучковатую толстую палку, напоминавшую мне посох отшельника.

Я вздрогнул и прислушался, когда он рухнул на гулкую скамейку и просипел:

– Я от Тани. Провожу тебя, а то ещё потеряешься. – Он оглядел меня и поморщился: – Ты что, косплеер?

Последний вопрос не нужно было слышать – он и так читался на его лице. Я не разозлился, лишь втайне позлорадствовал, когда секунду спустя мальчишка подскочил, напуганный внезапным визгом промчавшейся пожарной машины. Он застыл в ожидании, сверля меня взглядом. Стоило мне кивнуть, и он, кажется, запустил бы в меня собственным рюкзаком от досады. Но отмолчаться было нельзя – потом сам же буду чувствовать себя паршиво. Везде клин. Или кол. Осинový, чтобы от нетопырей отбиваться. Очень подходящее оружие для окраины.

Дураком и раздолбаем мне быть не в первый раз – обычно так настроена оптика в глазах моей сестры Маринки, да и ничего общего с косплеерами не имел.

По вечерам подрабатывал в забегаловке, пока не уволили за опоздания: вызывал охрану, если диспуты перерастали в потасовки или клиенты навязчиво требовали общения от официанток; отдавал «живую воду» и «живую еду» нуждающимся, жалел. Окна дребезжали от игравшего там техно, уши закладывало. Запах горячего масла въедался в одежду. После смен я становился сказочником для моей девушки, перевирал истории посетителей, убеждая не Юльку, а себя, что всё восстановимо, я еще поставлю спектакль на ослышках и обрывках разговоров, поправленных по краям. Любил я воображать немыслимое.

Осколки сталкивались радужными гранями, – я громким шёпотом заговорщика объявил:

– Ничего общего с... плеерами. Только магия.

Потёр ладони друг о друга – и внимание отвлечь, и отогреть. Промозглые «плюс пять» с речным ветром издалека. Я убедился, что никто не щурится поблизости и вынул из рукава бумажного журавля. Чётки следом не выпали. Хорошо. Такие бесхитростные фокусы обычно впечатление производили не только на моих мелких племянников. Зритель жаждет обыкновенного чуда.

Но не в этот раз.

– Знаешь, почему ещё я взрослых не люблю? – чудачества мои мальчишке были до лампочки. Только в глазах вспыхнула недобрая искра. Шутки без ответного энтузиазма смысла не имели, я покачал головой, что означало: «Не знаю, развивай уже мысль, привередливый зритель»

Он сердито глянул исподлюбя как кот, которого согнали с отопительного котла.

– Потому что врётё вы без конца, даже если можно правду сказать, – он сонно подтянул лямку сползающего рюкзака, – сами себя обманываете... и других. Без разницы кого.

– Понятно. Давай просто автобус подождём, – вздохнул я, напоминая себе, что развернуться и уйти к памятнику вождю, а потом снова искать квартиру – не выход.

Городской транспорт ходил по расписанию иной временной линии. Редкие прохожие ждали пару минут, глотали капли смирения и шли пешком, хотя я дважды за полчаса увидел женщину в мшистого цвета шапке – оба раза она обходила остановку по кругу. Жизнь экономила на эпизодических персонажах.

Молчание затянулось. Я подождал, пока кто-то снова выдаст в эфир обрывки его радиоволны, и, убивая время, я отогнул кольцо на банке с энергетиком и услышал аплодисменты немого кино. Тишина. А могли бы включить фоновые звуки.

Не дождавшись ответа, я развернулся и в упор посмотрел на мальчишку. Тот, оказываясь, уже присел на корточки: водил палкой по трещинам в асфальте и просто завис. Был он мелким и выглядел лет на восемь. Неудивительно, что его заинтересовали трещины – разветвлённые, уходящие в никуда, как карта метро для флегматичных приезжих-призраков или пособие по хиромантии. Найдёшь Холм Венеры и сможешь просить у дорожного покрытия пару золотых за предсказание.

Я вслух поделился сакральным знанием с постепенно окружающим молочным туманом. Отвечать или орать в ответ про Лошадку он, к счастью, не стал. Рано мне сдаваться профессорам с аристократическими фамилиями и клиновидными бородами. И на том спасибо. Если не считывать в отскакивающих каплях жизнерадостный стук азбуки Морзе, то всё в норме. – А ты что в них разглядел? – спросил я.

– Отвяжитесь. Вам должно быть без разницы. – Отшельник встал, отряхивая джинсы, откинул посох, – те, кто на улице к прохожим пристаёт, – идиоты.

Я многозначительно промолчал, переминаясь с ноги на ногу, ответные реплики отшельнику не требовались и отвлекался от холода, вглядываясь в шедевры деревянного зодчества, переделанные под офисы и магазины “Прайс – пиленный грош” на другой стороне дороги и отпивал химозную сладость яблока.

– Сволочи, – Отшельник дёрнул головой, откидывая чёлку. – Заводите детей, чтобы ныть, как вам тяжело, себя оправдывать. Может быть, вам нравится, чтобы вас ждали – так прямо и сказали бы! Ненавижу.

Над крышей, стараясь не запутаться вывесками в кронах деревьев, с любопытством склонились здания.

Ругательство выдернуло меня в реальность, и кто его просил? Я не знал, почему он начал истерику. Не исключено, обращался он к одной из уродливых старух-Норн и перепутал адресата жалоб на судьбу.

Он прочёл свой короткий монолог и устался под ноги, смиренно сложив птичьи тонкие руки на коленях, как школьник в сюжете местного телевидения, чтобы через секунду шаркнуть подошвами кед, отбежать под дождь и вернуться. То ли не мог усидеть на месте, то ли просто замёрз.

Притормозив на очередном круге, он спросил без перехода, куда дружелюбнее, но и тише:

– Ты знаешь, как размножаются?.. – я не расслышал конец фразы. Козы?

– Как?

– Яйца откладывают, – он покачался на носках, вспоминая, а может, убеждаясь, что я слушал, – в прудах, а потом появляются личинки. А потом – взрослое насекомое, и на самом деле стрекоз-детей не бывает, а ещё у них инстинкты, они сразу знают, как жить. Плохо, что у людей по-другому.

Речь мальчишки начиналась как манифест нигилиста, а закончилась почти подкастом «О размножении членистоногих». Под конец оратор выдохся и полез в рюкзак, вытащил шапку с помпоном и натянул на макушку. Уши торчали, покрасневшие то ли от холода, то ли от смущения.

Я заинтересовался от скуки и слушал почти с равнодушием. В шапках я выглядел как дурак, поэтому снял с волос резинку и накинул капюшон. С тем же эффектом.

Я подобрал полы хламиды – она напилась влагой из воздуха и, кажется, потяжелела вдвое, а может, тело затекло, пока я караулил автобус, – смял и донёс банку до урны.

Когда до меня дошло, что надежды на местный транспорт нет, я вытащил из кармана голубой и явно не полный билет. Адрес моей кельи словно гвоздём второпях царапали на квадратике бумажного стикера. Я разобрал, что номер квартиры – вздыбившаяся бесконечность, и не прочёл названия улицы, просто понадеялся, что если в каждом городе есть улица Ленина, то мне выпала именно она.

Я не любил переспрашивать, но приехать не к тому адресу, полюбоваться светом в окнах и звонить другу, чтобы пустил переночевать, не хотелось и походило на саботаж.

– Отшельник, «я в коем веке помню Вас», а вот адрес забыл. На клочке записал. Не разберу, – скороговоркой повинился я.

Он посмотрел на меня взглядом измученного Дон Кихота или престарелого детсадовского сторожа. Вытащил из рюкзака чёрный маркер, выдрал лист из тетради и записал, присев на корточки. Отдал мне.

«Ленина. Дом 6. Квартира 8», – повторил пару раз и свернул лист трубочкой, засовывая в рукав под медицинскую резинку.

Сеть ловила отвратительно. Сквозь помехи заскучавшие боги соединили меня с оператором, и я остался ждать такси.

На «Ладе» без опознавательных знаков, кроме нового, поблескивающего первозданностью номера, приехал Валентин. Я спросил, подвезёт ли он ещё одного пассажира, и хотя водитель, предсказуемо, не возражал, мальчишка остался на остановке. Может, даже из приступа благоразумия.

Я потянул ручку и забрался на переднее сиденье в выстуженный салон. Стоило Валентину чуть отъехать от остановки, я не удержался и поймал в объектив телефона размытый асфальт и кеды. Жаль, что не взял фотоаппарат. Никогда не любил портреты людей. Мало ли белобрых мальчишек на улице? Но так... так персонаж становится понятнее.

Я отправил снимок Юльке с короткой подписью: «Встретил сегодня Отшельника, которому уже лет восемь. Древний старик. „Но это скучно“, – скажешь ты? „Старцев немало в домах престарелых, а в гротах один есть древний волшебник рядом с Артуром – так легенды гласят“. Права! Но Отшельника в кедах я видел впервые!»

Сообщение без единого слова вранья. Я едва дождался в ответ задумчивый жёлтый лик, а следом пару поцелуев и закрыл глаза. Всегда засыпаю в поездках. Любых, хотя напрасно – теперь Валентин от доброты души выберет длинную дорогу и ехать будет со скоростью ученика, теряя время выходного. Надо встряхнуться. Валентин в пути предпочитал молчание, поэтому я прижался лбом к стеклу. Не хватало света фонарей. Ночь и утро, неотделимые, обращались в сумрак, а деревья при всей желтизне отказывались сиять.

Ароматизаторами или чистящими средствами в машине не пахло, только озоновой свежестью, как после грозы, и свежескошенной травой. Над водительским сиденьем горел сиреневый светодиодный фонарь, Валентин потёр переносицу, поднёс бумажку с адресом ближе

к глазам и близоруко сощурился, разбирая почерк. Я запоздало протянул ему другой лист. Позже днём я узнал, что автобус подобрался и забрал Отшельника. Но сейчас я уже был далеко и видел только фасады церквушек, скрюченных временем изб и людей со звериными головами, у некоторые сжимали палки и били крапиву и одуванчики. Сорняки проросли сквозь корку асфальта. Засыпая, я перевел взгляд на профиль своего проводника и вспоминал, как он вообще появился в моей жизни.

Глава 2

Валентина я встретил год назад, когда меня отчислили из университета. Я прикидывал, какую захватывающую историю буду сочинять матери ближайшие два года и где буду жить хотя бы на этой неделе. Утром бродил по городу и читал стихи Лорки городским воронам, пусть они и предпочли бы покружить над куском сала. Эффект свидетеля срабатывал, и никто не вызывал полицию из-за разорвавшегося под окнами идиота.

Звонку от Юльки с предложением «затусить» в честь дня рождения, свадьбы или похорон знакомого я не удивился. Талант – всем нравится с первого взгляда и бесить всех со второго – приятели у подружки не переводились никогда, как монеты у золотой антилопы.

Я уложил в кофр фотоаппарат – вечное негласное подношение богу Дионису в Юлькину честь, сунул в рукав ком наушников и чётки, чтобы обвили руку и задремали. Мне было нечего делать – пару дней назад меня уволили, потому что вибрацию и пение соловьёв, раздающееся из динамика, я возненавидел. Говорил себе, что надо вставать, накрывал голову подушкой и засыпал, предсказуемо не слыша сирены будильников. Может, голос в них был записан не от лесных жаворонков, а от настоящих морских мифических дев. Так убаюкивало. И удобный график от понимающего руководства ничего не менял.

Так или иначе, а с Валентином я познакомился благодаря ей. Он в тот день устроился за маленьким столиком и весь вечер размеренно подливал себе чай, будто запланировал чаепитие за месяц. Кривая чашка, на которой кистью нацарапаны блики, вылеплена Юлькой на мастер-классе по гончарному искусству. После она до вечера повторяла, что она теперь деми-ург, обжигающий горшки. Гордилась. Парила в сантиметрах от пола и облетала скошенные углы. Доказательство неделю простояло на видном месте, как каменистый остров, а потом она захотела его разбить. Даже ржавый молоток притащила. Не разбила. Интересно, а если Валентин сожмёт руку – чашка расколется?

Он приветливо кивал, входящим в кухню, но не поддавался на уговоры ребят, пытавшихся затянуть его в игру и вручить веер карт-умений.

Подколки «отбивала» Юлька, перехватывала самых назойливых: – Отстаньте от человека, говорю... а подливать ром в чужой пуэр – свинство. Я запрещаю! Идём лучше танцевать. Юля смеялась, звенели браслеты, но я видел, как на виске билась жилка, а нанизанные монетки мутнели. Несогласных ждали неприятности, хотя бы из любви Юльки к размашистым театральным жестам. Хотя ей скоро наскучивали дышащие хранилища историй, покой временно любимых людей она стерегла вернее грифона.

Не останавливала Юлька только Лилу. Она была славной, эта Лилу. Живой троп «Рождённая вчера», с греческим профилем и греческим именем в паспорте. Настолько наивная, что я подозревал, что вместо фотографий в её квартире висит розовая справка в медной раме. С подписями и печатями. Работала Лилу патологоанатомом. Она периодически проявлялась рядом с кухонным диванчиком, застывала в великоватых розовых лодочках и неразборчиво лепетала о своём странствующем коте. Валентин мягко обрывал её попытки поболтать сам:

– Ты Юле про кота расскажи, ладно? Мне попозже. Занят немножко. – Подбородком он указал на розовый тартан скатерти – там его ждали белый фарфоровый чайник и тяжелая глиняная чашка.

Самое удивительное, что Лилу оставляла его в покое, уходила сентиментально, в обнимку с подушкой плакать, или донимать Юльку.

Юля с энтузиазмом слушала даже о чужих питомцах. Быстро строчила любую ерунду в крошечный блокнот. Клинопись разбирала только она сама.

Звучало смешно, но Лилу была одним из двух безвременных друзей Юльки, хотя была лет на десять старше.

На вписке, которая оказалась днём рождения (хотя виновника торжества никто в лицо не знал), Валентин был самым трезвым. Может, алкоголь при его габаритах не действовал. Не знаю.

Иногда Юля сама притаскивала из зала плед или садилась пить чай, продевая фразы сквозь кольца кухонного дыма. Я, по привычке, наступал на её тень, отщёлкивая кадр за кадром. На половине из них застыл поток людей: вот Лилу ласково гладит диванный валик, а вот Толик-Томас буравит взглядом кости, пытаясь превратить единицы в шестёрки с такой улыбкой, будто только что съел чужую печень. Вторую половину снимков я оставлю в личном архиве. Жестяной почтовый ящик – приезжий из прошлого в междумирье квартир; человеческий страх в глазах аквариумной рыбки, отставленной в своём пузыре на подоконнике и наблюдающей вакханалию из-за тюля. Печаль, набежавшая на лицо экстраверта, и желваки на лице бывшего сокурсника-тихони. А ещё Юлька, раздробленная покадрово: с блокнотом, слушающая о чьём-то парне с работы; смеющаяся; рисующая римские цифры игрового счёта на обоях.

Ровный бас Валентина рассказывал, кажется, условно исторические байки. Я задвигал голос за край восприятия, но слышал отчётливо. Он говорил об «уплаченном алтыне», сворачивал к «кораблям», тишине, съезжал с темы дальше к вере, к ласточкам. Юлька слушала, невольно подавшись вперёд всем телом: калimba вплеталась в партию саксофона. Дальше я подумал тогда, что смысла не разберу и отключаюсь, и что так лучше. Я вытряхнул наушники из рукава, не распутывая, и открыл первую попавшую аудиокнигу. Ревности не было. Просто Юлька вербовала ещё одного читателя и архив с историями, а кости в запястьях противно ныли, отзываясь на вколачиваемые слова. «И я не выдам, не беспокойся...»

Томас – беспризорный гость из тех, что после полуночи возникают по углам, как окурки в переполненной пепельнице, – нарвался, вообразив, что обязан «достать» любого, кто отбил от компании. Валентин просто сказал: «В другой раз» – и отодвинулся вместе со стулом подальше, к дивану, когда долговязый Том попытался за ворот втащить его в зал к голосящей вокруг столки толпе. Юлька похвалила его дреды, но парню хотелось разборок. Он шагнул к Валентину и без предупреждения замахнулся. Я, наконец, отмер, рванул из кресла, чтобы втиснуться между ними, но Юлька уже «остужала» Тома. Она не кричала – почти шипела, выговаривая что-то неразличимое, а затем коротко мазнула по его плечу кончиками пальцев. Дотянулась и спокойно отошла. В глазах у меня потемнело – слишком много нас столпилось на трёх метрах, и я упустил момент, отчего Том не упал, а плавно осел, где стоял. Как начинающий просветляться ученик, познавал дзен через медитацию.

– Не шали, Томас, – Юлька встряхнула ладонью в воздухе, словно сбрасывала с пальцев маслянистые капли. Он не шевелился, глядя остекленело, как околдованный, и шевелил пальцами, проверяя, слушаются ли они.

– Валентин, Том в порядке, но я проспорила тебе деньги, – она рассмеялась, и этот смех отозвался в моей голове звуком замедленного падения металлических спиц на бетон. Звук этот я подслушал давным-давно в чёрно-белом клипе, и теперь он меня нагнал. Юля послала парню воздушный поцелуй, реальность вокруг её руки чуть поплыла, как марево над рекой в жару. Узелок кожаного ремешка сам собой расплёлся. Монеты посыпались на пол. Они падали неестественно долго, как брошенная в реку галька, и я ждал, что по коричневому с подпалинами линолеуму пойдут круги. Две штуки Юлька перехватила над самым полом.

– Не мне, – Валентин даже не обернулся, его голос прозвучал сухо. – Руслану отдай. Зачем хочешь человека обидеть? Играть зачем?

Юлька склонила голову, коснувшись плечом мочки уха – жест, в котором было больше хищного, чем кокетливого. – А Том разве обиделся?

– Про него не говорю.

Столик между ними лежал вверх тормашками, как Грегор Замза, и в полутьме казалось, что он шевелил коваными ножками. Из разбитого вытекало что-то густое и алое – фарфор единственный, истекавший после боя кровью. Валентин молча поставил столик на место. Он расставил посуду, и в чашке снова возник чай – запахло не пуэром, а почему-то успокоительными травами.

Юлька, подойдя, улыбнулась и вложила монеты мне в ладонь. Я хотел убрать их в рукав, отшутиться, но Юлька велит шутливо: «Не потеряй» – и я убираю обжигающие обеты в чехол телефона. Моя ответная улыбка сошла бы за гримасу.

Вскоре Томас – я уже успел о нем забыть – принёс гитару вместо трубки мира. Юлька играла не кавер, а что-то своё: я понял это по тому, как звук всхлипывал и обрывался. Она смотрела на зрителей, ища признания, и в её движениях не осталось ни капли актёрства. Взгляд затуманился. Казалось, ром в стаканах начал испаряться, превращаясь в золотистую взвесь из чужих откровений и Юлькиного смеха. Пространство, не в силах вместить всех, утекало прочь, а время смерзалось в тяжёлый ком, пока парочки находили друг друга. Только Валентин оставался неподвижным утёсом. Под конец вечера Томас ушёл и унёс инструмент, а Юлька предложила пойти в зал, замиксовать рок и шотландские марши. Я так сидел в продавленном кресле в углу, подальше от трубного гласа волюнок. Отгонял ластившийся сон, перебирая чётки. Неподатливое дерево, гладкое, как камни после долгих игр моря.

Юлька покупала это кресло через онлайн-аукцион. Кто унёс эту мебель под покровом утра из кинотеатра – неясно, но я шутил, что мастер был поклонником Уорхола. Одной известной картины в алых тонах. Благом было бы донести его до свалки, но Юлька, счастливая, притащила и лично перетянула вельветом – расстреляла обивку из степлера, купила плед, «мягкий, как пена дней», и просила представить, сколько людей и хороших фильмов оно повидало.

Пионы на обоях источали удушающий аромат и наводили сон как беду. Они или тлеющая курильница на подоконнике.

Отвлекла меня не Лилу, а Валентин. Осторожно отставил чашку и спросил, как искры из слов хотел высечь: – Слушай, Руслан, у тебя как дела?

Я, подавив зевоту, с широкоформатной улыбкой и интонацией косящего под психа, сказал:

– Лучше не бывает! А ты кто? – и навёл на него камеру. На удачу. Снимал я сегодня мало. Тело вело, руки дрожали. Зернистые кадры получались в расфокусе. Алкоголь давно выветрился. Лицо в объективе непростое. Как выточенная ножом заготовка краснодеревщика, неприглаженная и не обработанная наждачкой. Такое лучше видеть через зум, даже если не щёлкаешь затвором. Жёсткое лицо, а чернота глаз спокойная и незлая. Он был старше всех, кроме Лилу.

Я чуть не выронил камеру, когда он хлопнул себя по коленям джинсов и вышел. Вернулся минут через пятнадцать с недопитым вином. Прикрыл ногой дверь.

– Раз поминальное вино есть – значит, всем пить можно. Тебе тоже можно.

Голова гудела. На слух я улавливал только обрывки из соседней комнаты. Моим современникам весело. Или кто-то замуровал банши в кирпичную кладку. Последнюю часть фразы я сказал вслух самому себе.

Валентин перевёл на меня взгляд и плеснул в чашку к своему чаю, протянул мне бутылку. Я отпил из горлышка и поперхнулся – «чужаками полон дом». Зубы свело – так было кисло. Кто-то смешал спирт с вишнёвой шипучкой. Чудовища. Понятно, почему все предпочитали сегодня ром.

Он хлопнул меня по спине. Вышибло последний воздух разом. Этому человеку бы меха кузнечные раздувать.

А затем у нас состоялся диалог. – Руслан, прыжки с крыши – затея пустая. Времени много, полёт долгий. Одна обида за себя.

Речь у него была причудливая с долгими гласными и уходящими или пропадающими глаголами, но выпитое вино помогало восстановить этот спич. Переход был явно резковатый, но чудачкам удивляться нельзя. Я засмеялся и сказал, что буду иметь в виду. Не самый идиотский совет на мою больную голову. Допивали вино в относительной тишине. Под редкие выкрики банши.

Тишину спугнули. Юлька влетела на кухню и начала мыть фамильную сталь ложек. Гости благоразумно вспомнили о делах и заторопились к выходу. Разбредались только парами, на ковчег спешили. Одиноким места не полагалось даже в трюме. Не знаю, сыграли роль завтрашние лекции и смены или все знали, что следующая стадия опьянения у Юльки – «Разрешите докопаться». Скандалить она умела.

Беспризорные гости сбежали. Лилу собиралась, жалуясь: – Адриан без меня не ест, орёт перед миской, ждёт. Коты – они все такие собственники. Никуда от них не уйдёшь, правда?

Я хотел, чтобы она ушла до того, как меня бы стошнило. Бежевый плащ и сумка всегда воняли. Не кошачьей шерстью, даже не мочой, а створоженным молоком. – Валентин выдохнул.

– Бедный кот... – но что-то мне подсказывало, что имел в виду он не животное.

Дверь хлопнула. Мы остались втроём. Я спохватился: – Юлька, с уборкой помочь?

Она уже сливала напитки и складывала чашки в раковину. – Не надо трогать мою посуду. И пыль. Сама с ней справлюсь.

Валентин уже стоял в чёрной парке у двери, когда сказал:

– Руслан, я на машине. Попутчика нет.

– Я пас, – улыбнулся я. – Пешком ходить люблю.

– Зимой на дорогах одному лучше надо. И на машине тоже, – то ли предупредил, то ли спросил Валентин.

Юлька стрельнула в меня грустным взглядом. Ей поддакивала репродукция с портретом спящей. Дама кривила рот и внимательно следила за нами, покачиваясь на гвозде. Я сдался. Трое на одного.

На улице падал колючий снег. Толпа ещё не разошлась, и начинался спор на тему, кого Валентин должен подбросить вместе со мной. Все аргументы страждущих разбивались о фразу: «Извини, мест нет». Как о волнорез. Говорил он с одной интонацией, и не надоедало. Я сел на переднее пассажирское и уставился на грунтовку. Торопиться было некуда.

Меня вдавило в сиденье. Оранжевые цифры на спидометре увеличивались как пульс бегуна. 110, 114, 120 и дальше. Впереди столб, и должна подступить паника. Не подступала. Представлял я почему-то маринкин нос. Всегда красный, когда она плачет. По цепочке зажглись фонари, затаились – скоро им придётся освещать место преступления. Бампер промнётся, машина притянет столб, как одна намагниченная стружка притягивает другую. Я держался за реальность и за кофр камеры достаточно, чтобы наблюдать. Валентин крутанул руль в сторону и затормозил.

Если человеку даны тела для воплощений, то твари, в которых обитала однажды душа, вопили и бесновались в ивовых клетках, готовые вышибать двери на волю. Мудрых слонов на этом колесе не наблюдалось, но орать на чуть не убившего нас двоих водителя я не стал. Приходил в себя. Отстегнул ремень. И дышал носом минут десять, пока мутить не перестало. Воздух казался свежим, как горный. Пахло озоном и кожей.

Окно с шипением старого лифта открылось наполовину. Когда Валентин достал из бардачка зелёный пластиковый цилиндр. В крышке стучала дробинка. Валентин сосредоточенно выдул в щель столп белёсых пузырей из мыльной плёнки, мелких как дым, я не удивился, но он пояснил.

– Сигареты нельзя мне.

Сумасшедших злить не следовало, но я спросил, чтобы вспомнить, как пользоваться голосом: – Врачи запрещают?

– Ага. – Валентин снова опустил петлю в мыльный раствор и осторожно подул, как на закипевшее молоко. – А тебе – нет. Можно всё. Ты самоубийца. Вторая жизнь теперь у тебя, вся новая.

Казалось, я попал в чёрно-белый вестерн о счетоводе в поезде с Деппом в главной роли. У того проводником был индеец. Валентин больше походил на якута-шамана, чем на аборигена Америки. Хотя, как я узнал позже, был татарин.

– Да... – сказал он минут через пять, – хороший ты человек. Страх перед судьбой в тебе нету. И в тишину умеешь.

– И не говори, – согласился я. – Enjoy the Silence.

Валентин закрутил крышку. Промелькнула и погасла, нырнув в снег, зелёная ракетница.

– Работа какая у тебя?

– Философ. Бублики на ярмарках скупаю, – отшутился я, но водитель, кажется, завис в мыслях о скупке и продаже.

– С удовольствием? Хобби такое?

– Нет. Шучу я. Нигде я пока не работаю. Так, писателей цитирую.

– Книги – это хорошо. А все врут. Можно объединиться. Фотографом нравится быть? Я фотографии обрабатываю. Свадебные. Если ты снимать будешь хорошо, то мне работы меньше. Всегда вполсилы работаю, потому что не моё. Мне машина приятнее, вот к ней душа лежит.

На автомате я кивнул, хотя фотографом был разве что из-за аппаратуры и прочитанных книг вроде «Главное в истории фотографии» или «Искусство света». Теоретик кадра со способностями на уровне температуры кипения.

Машина снова ехала по всем дорожным правилам, не старалась уйти в небо.

Валентин так и не спросил адрес и остановил машину неподалёку от своего дома. Панелька белела, будто её осветлили клячкой из угольной пыли. Где ночевать, мне было без разницы.

Валентин остановил у подъезда. Я вышел и поднялся за ним. Перила выпустить боялся. Как тонкокостный старик. Пролёты повторялись, и добирался я вечность. Валентин ждал.

На книжной полке в полупустой гостиной, как зубы в девять рядов, стояли банки с пивом. Ремонт. Запах краски вытягивало в открытое окно. Единственные вещи, которые не осыпаны бетонной пылью – матрас и стремянка. На проводе раскачивалась электрическая лампочка. Мы пили и смотрели на город. Я думал, что он мог бы послужить декорацией к фильму о Париже шестидесятых.

– Я Валентин, – он протянул смуглую руку для рукопожатия. – Прозвищ и сокращений не надо.

– Почему? – удивился я.

– Имя говорит, какой человек быть должен, а сократят, так непонятно, что от человека ждать, и от смысла одна шелуха остаётся. Нехорошо.

Спал я на полу, накрыв голову курткой, и проснулся утром без тоски и похмелья. Город с балкона, подкрашенный туманом, ещё сильнее напоминал кадр из фильма, но от мысли о будущем уже не выворачивало. На самом деле Валентин работал у матери в фотосалоне: реставрировал при помощи нейросетей фотографии и изготавливал ритуальные таблички для памятников. Клиентами были бабки с технофобией. Свою работу Валентин не терпел, и его мать не возражала, когда он привёл «сменщика». Даже мой костюм не заставил записать меня в психи.

Я жил у Валентина больше полугода, и он меня не торопил, но после работы, как только мыл и расчесывал волосы, и ставил фотоаппарат на зарядку, снова оказывался перед мерцающим экраном – сохранял объявления о сдаче комнат. Мест, сдающихся за тридцать тараканов,

я избегал. Слишком дорогих – тоже. Покупал газеты, помечал интересное тонким фломастером и обзванивал хозяев. Даже завёл привычку бродить по улицам, спрашивая прохожих «на удачу», не сдают ли углы. И окрестности. В основном меня посылали к шуту, но я не сдавался. Даже к деду одному пристал – тому самому, что вечно путал наш фотосалон с барбершопом. Камеру я в тот день оставил дома, и руки, не занятые привычным весом, то и дело ныряли в пустые карманы.

– Сто лет ищу и найти не могу! – пожаловался он, в очередной раз упершись взглядом в нашу дверь.

Я прислонился спиной к косяку, преграждая путь, и в третий раз подтвердил, что ни барбершопом, ни клубом мы не являемся. Старик недоверчиво хмыкнул, пытаясь заглянуть мне за плечо.

– А если вы здесь так давно обитаете, – я подался чуть вперед, поймав его мутный взгляд, – то скажите, дедушка, кто-нибудь тут квартиры сдаёт? Или комнаты? Тоже, считай, лет сто ищу.

Дед стащил с головы помятую кепку и принялся чесать затылок.

– Неместный ты, что ли? – Он прищурился, изучая мою физиономию. – Дык тебе надо было лет сто пятьдесят назад спрашивать, когда усадьбу одного фабриканта под конюшни и склады сдавали. Может, и тебе бы место нашли.

Я невольно усмехнулся. Дед уже потерял ко мне интерес и отвернулся к застеклённому стенду, изучая прайс на фотоуслуги так внимательно, будто искал там расценки на стрижку бороды.

– Выходит, я опоздал?

– Да уж, опоздал он! – Старик резко развернулся, едва не задев меня козырьком кепки. – Какую сотню лет ты искал? Ты ж сто лет назад и не родился ещё! Тебе двадцать-то есть?

Он оглядел мои выбеленные волосы и ядовито припечатал:

– Куда ты мог опоздать, девочка седовласая?

С этими словами он лихо замахнулся и забросил кепку на древко доски объявлений. Попал. Довольно крикнув, он одернул ветровку и бросил через плечо:

– Морочишь мне голову!

Сумасшедший и в этом месяце остался не стрижен. Я постоял немного, глядя ему вслед, а потом вытащил из кармана огрызок карандаша и прямо на календаре записал ответ про «конюшни» – Юлька за такой архив историй всё простит. А жильё... жильё нужно было искать экстренно.

Винил я не резко проснувшуюся совесть, а кота. Между сном и бодрствованием, когда я только начинал засыпать, кот, у которого в роду встречались манулы, настолько он был огромным, прыгал в комнату с соседского балкона и ложился всем весом мне на грудь, не урчал, а вздыхал и фыркал как ёж или старик, устало и покровительственно, мял лапами без когтей, пересчитывая ребра. Вдохнуть невозможно. Я так и рассматривал отдельные шерстинки и крапины на носу, лёжа на полосатом «футоне», не шевелясь и раскинув руки. Согнать даже не пробовал – кошак, полосатый с отметиной на лбу, был меня тяжелее, а под утро исчезал сам, боднув меня головой в щёку или погладив лапой напоследок. Закрывать балкон и подпирать дверь стремянкой было бесполезно. Лазейки у кота были свои. Днём я его не видел. В расписании визиты в человеческое жильё были исключительно ночным хобби.

Помог мне снова Валентин. Однажды вечером, когда он «курил» на кухне, а я жарил на электроплитке пойманную в ближайшем супермаркете рыбу, пол и породу которой мы не смогли опознать, он сказал между «затяжками», что бывшая клиентка сдаёт комнату. – Недорого. У хозяйки там осложнение есть.

Затем резко вышел. Вернулся, когда я уже дожарил рыбу и обложил её бумажным полотенцем, молча протянул мне трубку. На экране высвечивалось имя «Танюша», но громкая

связь выдала не женский, а детский голос. Я не поверил юному риелтору и попросил взрослых к телефону. Трубку взяла женщина, теряясь в окончаниях, подтвердила потерянно, что «всё правильно и сын всё сам расскажет».

Я покосился на спину Валентина – он, широкий в плечах, был сдержан и мягок с людьми и с кошками. На рабочем столе у него стояла фотография кота. О звере он говорил по своим меркам немало. Я знал, что кота звали Маргат. Был он переименован из Маргариты бабушкой Валентина. Это был самый длинный наш диалог, так что пугающей в Валентине была разве что немногословность.

Мальчишка толково и довольно по-взрослому объяснил суть, замялся только на вопросе цены, выдал, что «Таня на месте объяснит, а если не она, то я». Мы договорились о встрече в воскресенье, так я и оказался на остановке в недружелюбной компании.

Глава 3

Валентин высадил меня на разбитой дороге. От деревянного дома отделяла тропинка, присыпанная битым кирпичом, почти потерянная в траве и хлынувших с лип листьях, и сетчатый забор. Окна, кроме одного, заколоченного листом фанеры, были пластиковые, но дерево никто не удушил сайдингом – оно темнело от времени и дождей.

Дождь так и не прекратился. Грузный молочно-белый воздух. Кирпичное крошево впибалось в подошвы. Безднадёжный покой маленького города. Почти безымянного. С обязательным краеведческим музеем под зелёными куполами. Я пожалел, что натянул мантию поверх повседневных футболки и джинсов. Осколки на ней отказывались преломлять уныние.

Калитка заедала, скрипела и не терпела незнакомцев. Я подумал, не перелезть ли просто через сетку, когда телефон ожил. – Ручку подними вверх и толкни от себя. Если будешь через забор прыгать, то на шиповник наткнёшься. Проколешь себе что-нибудь жизненно важное, – провёл мне инструктаж детский голос. И отключился.

Я поймал себя на мысли, что снисходительность этого злорадного ребёнка доводит меня до бешенства, и засмеялся себе назло.

Шиповник с красными ягодами разрастался густо, как в лесу, и тянул листья к прохожим. Кроме него за сеткой рос только ковыль. Я провёл ладонью и потрогал острый шип на удачу. Надавил, пока не проколол палец. Капля крови выступила. Хорошо, что бросил пытаться гитару. Потом сорвал плотную красную ягоду и зажал в кулаке. Предупредил вслух: – Я честно с тобой обменялся.

В ответ ни отзвука, ни шелеста. Молчун. Не считать же ответом блеск далёкой молнии, за которой так и не последовал гром. Я переступил черту. Кто бы ещё знал, где она, эта черта, проведённая мелом.

Никто не ждал. Я обошёл дом и оказался перед крыльцом. Мальчишка сидел на ступенях и протягивал ключ, обвязанный лентой, через баясины перил, как китайского воздушного змея. Заметив меня, он спрыгнул на землю и констатировал: – Ты долго.

Он был нуден до невозможности, объясняя мне правила проживания в комнате о пяти углах и о трёх дверях. Двух белых: в общую кухню и в комнату. Ванную отгораживала светло-зелёная узкая доска безо всяких петель с облупившейся краской и медной ручкой. Келья, похожая на крытую летнюю кухню, какие, если верить книгам, возводят на юге Кубани. Половину пространства занимали лакированные шкафы. Книжный и платяной. Реликты прошлой эпохи. Я представлял, как на голову мальчишке хитчкоковскими птицами пикируют книги с верхних полок, и старался не чихнуть от бумажной пыли, витавшей в воздухе. Наконец не выдержал, прикрыл глаза ладонями.

– День был длинным. Если я не лягу спать, то будет здесь ещё одно осложнение – привидение несостоявшегося постояльца.

На прощание я вынес перечисление недочётов коммуникаций, порядка внесения платежей и списка правил дома. Мальчишка глядел на меня снизу вверх. Кажется, хотел откусить голову. «Не дотянешься!» – мстительно подумал я.

Он сбился с мысли и переспросил совсем по-детски: – А какое первое?

– А первое – это ты!

Открыл створку окна – что ж здесь всё заедало? Ветер занёс крик совы. Я ожидал возмущения на подколку, но мальчишка стушевался, замолк на слове и скрылся. Пару секунд мучила совесть. Потом я затолкал её в колченогий шифоньер вместе с мантией. Упал на кровать. Сейчас придётся вставать и плестись смывать грим, но кого это волновало? Я вытащил телефон и написал Юльке: «Здесь кричат сычи и проходят кровавые ритуалы. Если придёшь в гости, то имей в виду».

Чтобы отправить Юльке снимок златокронных, непуганых секатором лип, всё же пришлось подняться и перегнуться далеко за подоконник. Я пообещал себе, что завтра заберу оставленный в прихожей у Валентина фотоаппарат.

Ответ пришёл сразу: «Если этому месту подходит только кровь девственниц, то нам придётся расстаться».

Пусть комната, которую я снял, оказалась угловой, даже с отдельным входом и ванной, но кухня была общей, и за завтраками и ужинами я встречался с мальчишкой-отшельником и его матерью Таней. Первую неделю меня напрягало заметное отсутствие. Она не выходила к столу, пока я не отправлялся на работу. Моё вторжение прерывало вечерние трапезы семьи. Догадывался по торопливым шагам, грохоту хлопнувшей двери и тарелкам с недоеденными остывающими макаронами по-флотски, яичницей, оладьями.

Оставался шлейф духов и отчего-то запах гари. Может, не выбежала она, а сгорела ровным пронзительным пламенем? За секунду до прихода чужака. Как снятая чулком шкурка сказочной рептилии, брошенная в камин.

Скоро захотелось спросить Отшельника, не провёл ли он с матерью лет пять своей жизни в подвале психопата и не напоминаю ли я этого человека. Я не понимал, почему женщина, с которой я не встречался, решила подвергать меня остракизму.

Одиночество должно радовать, но догадываться о соседке рядом только из-за бубнежа телевизора и вибрации басов – неприятно. Я не начал нарочито громко желать ей доброго утра и оставлять записки под дверью только потому, что мальчишка просил не шуметь: – У Тани часто болит голова, – и на осторожные расспросы отвечал: – Она просто на работе устаёт. Не все такие болтливые, как ты.

Быть может, так бы и продолжалось, если бы, придя с работы, я не услышал топот на крыльце, а потом меня бы не подбросило от трубных кратких воплей дверного звонка.

У Юльки над дверью висели колокольчики. Ненавязчивые и неслышные. Я отбросил одеяло, под которое уже успел залезть, и поплёлся открывать, умудрившись найти ступней кирпичик лего и взвыть.

За дверью стоял запыхавшийся Отшельник. Глазищи у него были перепуганные и растерянные. Как у ребёнка.

– Что случилось? – спросил я и посторонился, придержав шутку про приبلудившуюся гончую из Ада. Смотрел он и так с опаской.

Температура тела возвращалась к норме, и хотелось поёжиться от холода.

Он молча ковырял болячку на щеке, уставившись в мокрую траву. Что-то прошелестело мимо моих ушей.

– Повтори, я не расслышал.

– Не буду, – буркнул он, и от него повеяло такой густой обидой, что я понял: сейчас сорвётся и убежит. Пришлось поймать его за плечо.

– Помогу я, помогу. Не каждый день ко мне приходят с... чем бы ты там ни пришёл.

Мальчишка всхлипнул и выдал путаную тираду. Суть я уловил с трудом:

– Ты её припугни, а? Чтобы ушла и не забирала меня. Я не знал, что она приедет, я бы не звонил!

Ещё через пять минут я стоял перед шкафом и оправлял огромную чёрную рубашку «Таниного друга». Велика в плечах безбожно, зато застёгнутая душа уже не грозилась отлететь от страха. Перед входом нацепил бейсболку отшельника, пряча волосы, сунул в карман кошелек с билетами банка приколов – подарок Толика, и сказал мальчишке ждать на месте – скорее, для самоуспокоения.

Плаща у меня не было – только мантия мага, но роль волшебника сегодня была не по сценарию. Предстояло сыграть статиста в драме «Взрослая жизнь». В ванной я яростно смывал грим. Люминесцентная краска сходила пластами, оставляя меня без кожи.

На улицу мы вышли под дождь. Мокрая рубашка миглом одеревенела, превратившись в подобие деревянного фрака. Я обошёл дом и принялся колотить в парадную дверь, игнорируя звонок. Когда она распахнулась, едва не заехав мне по лбу, я мгновенно сменил маску – теперь перед хозяйкой стоял робкий, слегка пришибленный бытом студент.

– Татьяна Александровна, здравствуйте! Я тут... оплату за месяц принёс. – Татьяна Александровна, здравствуйте. Я вам оплату принёс за этот месяц.

Таню – худую женщину с мягкими чертами в рваной чёрной футболке и джинсах – явно потряхивало от стресса, и смотрела с абсолютным непониманием, а потом промямлила про «не вовремя» и «сын должен был сказать, что без оплаты». Мальчишка пробежал мимо неё, чуть не врезавшись, и, забарикадировавшись под столом, стянул скатерть пониже. Я просочился на кухню, на ходу сочиняя возмущённую тираду о том, как важно вовремя платить таким святым арендодателям, как она. На коврике оставались лужицы.

Внимание я привлёк. На шум выглянула женщина, захваченная моим перформансом. Копия Тани, но старше раз в десять и в десять раз величественнее. Пёстрая шерстяная шаль висела на локтях, мочки оттягивали квадратные серьги.

Эсмеральда на пенсии вытянула шею и спросила: – Зачем пришёл?

Какая удивительно вежливая женщина. Такая в моё дурное актёрство сейчас не поведёт или решит, что дочь-неудачница связалась с наркоманом. Я повторил драматический экспромт, добавив, что время встречи с арендодателем, конечно, оговорено заранее в договоре, но если Татьяна Александровна занята, передачу оплаты можно провести позже... Вытащил пухлую пачку денег, чтобы тут же её убрать.

– Прошу прощения за внешний вид. Спешил!

– Чем она может быть занята? – со вздохом спросила Эсмеральда, глядя на мои ужимки.

Риторически спросила, конечно, но я старательно ответил: – О, я понимаю, что в вашем возрасте нелегко понять, как трудно управлять собственным бизнесом. Татьяна Александровна всегда требует соблюдения договорённостей.

Лицо Эсмеральды вытянулось, волосы и дряблые щёки вспыхнули стыдом, кисти шали подмели пол, сваливаясь ниже, потому что она забыла, что стоило их придерживать. – Простите, Татьяна Александровна, что вмешиваюсь не в своё дело, – улыбнулся я приторно, с глубоко упряманным и насквозь фальшивым сочувствием к пожилой женщине, сквозящим в каждом слове, и начал теснить гостью к выходу:

– Я прошу прощения за поздний визит, но мне бы не хотелось произвести негативное впечатление задержками...

С меня, кажется, при каждом шаге брызгала вода, по спине и за шиворот она лилась струями, а бесполезную бейсболку я швырнул на стол. Просто физически выпроводил «бубуку», главное – не дал ей опомниться. Она в конце концов схватилась за сумочку и большой семейный зонт с погнутой спицей и покинула кухню, оставив запах герани после себя. Минут тридцать точно выдержала. Стойкая.

После хлопка двери Таня молчала – она и за всё представление ни аплодисментами, ни гнилой сливой в лицо меня не удостоила. Конечно, я почти про неё забыл, но сейчас с опозданием испугался, что она просто выселит меня за устроенный цирк, хотел выдавить придуманное оправдание, но она улыбнулась и с истерическим смешком дала мне полуприказ: – Картошку почистишь?

Диктор в телефоне Отшельника подтвердил из-под стола: «Ящерицы плохо поддаются приручению». Ребенок выполз, на четвереньках и не успев сесть, сказал: – Таня, он же простудится. И на пол капает. Кротов зальём.

К себе меня почему-то не отпустили, я сидел уже в принадлежавшей Тане оверсайз-футболке и с тёплым, пусть и слегка подраным ватным одеялом на плечах. После второй кружки горячего какао, даже отвоевал право почистить картошку. В родительском доме овощи

чистили ножом. Родителей настораживала любая сложная техника. Я поувереннее взялся за гладкую рукоять. Но держал будто самурайский меч, а не бытовой гаджет. Отшельник со своего места за столом насмешливо переспросил: – А ты думаешь, что он умеет?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.